

ОРНИТОМОРФНАЯ ЛЕКСИКА В УЗБЕКСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНОГО КОДА

Исмаева Наталья Абдисановна,

Самаркандский государственный университет им.Ш.Рашидова, преподаватель.

e-mail: <https://ismatovanatala844@gmail.com>

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1064-4542>

DOI: <https://doi.org/10.54613/ku.v19iA.1800>

MAQOLA HAQIDA/O СТАТЬЕ

Qabul qilindi: 17-avgust 2026-yil

Tasdiqlandi: 19-avgust 2026-yil

Jurnal soni: 19-A

Maqola raqami: 36

KALIT SO'ZLAR/ КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

историческая проза, культурный код,
орнитоморфная лексика,
анималистический образ, фольклорные
традиции, мифопоэтика, А. Якубов,
интертекстуальность, суфизм,
психологизм

ANNOTATSIIYA/ АННОТАЦИЯ

Статья посвящена комплексному исследованию орнитоморфного лексико-семантического поля в узбекской исторической прозе как репрезентанта национального культурного кода. На материале романа А. Якубова «Сокровища Улугбека» детально анализируется специфика интеграции фольклорно-мифологических, суфийских и притчевых элементов в структуру реалистического повествования. Рассматривается роль анималистических образов в формировании аксиологического пространства текста, экспликации индивидуально-авторской картины мира и психологизации исторических личностей. Особое внимание уделяется механизмам дешифровки этнокультурных кодов в контексте интертекстуальности и преемственности восточной литературной традиции. В исследовании особое внимание уделяется динамике семантики орнитоморфных единиц в зависимости от сюжетно-психологического контекста и их взаимодействию с зооморфной и хтонической образностью. Посредством лингвокультурологического, семиотического, контекстуального и интертекстуального методов выявляются механизмы трансформации традиционных символических значений в индивидуально-авторскую систему А. Якубова. Показано, что образы птиц и животных участвуют не только в характеристике персонажей, но и в формировании нравственно-этических оппозиций, психологического пространства и символической организации исторического повествования. Установлено, что обращение писателя к фольклорно-мифологическим моделям обеспечивает связь между исторической конкретикой романа и более глубокими пластами национальной культурной памяти. Научная значимость исследования определяется возможностью применения выявленной модели анализа к изучению анималистического кода в других произведениях узбекской исторической прозы.

ABOUT THE PAPER

Accepted: 17 August 2026

Approved: 19 August 2026

Volume: 19-A

Paper number: 36

KEYWORDS

historical prose, cultural code,
ornithomorphic lexicon, animalistic image,
folklore traditions, mythopoetics, A.
Yakubov, intertextuality, Sufism,
psychologism

ANNOTATION

The article provides a comprehensive study of the ornithomorphic lexico-semantic field in Uzbek historical prose as a representative of the national cultural code. Based on the material of A. Yakubov's novel "The Treasure of Ulugbek", the specific integration of folklore-mythological, Sufi, and parabolic elements into the structure of realistic narrative is analyzed in detail. The role of animalistic images in shaping the axiological space of the text, explicating the individual author's worldview, and psychological profiling of historical figures is thoroughly examined. Special attention is paid to the mechanisms of decoding ethno-cultural codes within the context of intertextuality and the continuity of the Eastern literary tradition. The study pays particular attention to the semantic dynamics of ornithomorphic units depending on the narrative and psychological context, as well as their interaction with zoomorphic and chthonic imagery. Through the application of linguocultural, semiotic, contextual, and intertextual approaches, the study identifies the mechanisms through which traditional symbolic meanings are transformed into A. Yakubov's individual authorial system. The analysis demonstrates that bird and animal images function not only as means of character representation but also as instruments for constructing moral and ethical oppositions, psychological space, and the symbolic organization of historical narrative. It is established that the writer's incorporation of folkloric and mythological models creates a connection between the historical specificity of the novel and deeper layers of national cultural memory. The scholarly significance of the study lies in the possibility of applying the proposed analytical framework to the study of animalistic codes in other works of Uzbek historical prose.

Введение

В современной лингвокультурологии и литературоведении историческая проза рассматривается не просто как хроникальное описание прошлых эпох, а как сложный инструмент художественной рецепции и философского переосмысления исторического бытия народа. В рамках данного жанра историческая действительность подвергается глубокой эстетической, философской и аксиологической интерпретации. Исторический роман неизбежно становится формой экспликации национального культурного кода, под которым понимается система константных смыслов, стереотипов и архетипов, присущих конкретному этносу и транслируемых через язык и культуру. Реконструируя события минувших веков, авторы художественных произведений не ограничиваются документальной точностью; они моделируют национальную систему представлений о макро- и микрокосме,

метафизике власти, природе человеческих чувств, долге и исторической судьбе. Символический пласт художественного текста играет в этом процессе ключевую роль. Одним из наиболее архаичных и семантически емких фрагментов национальной картины мира является анималистический (и, в частности, орнитоморфный) код. Образы птиц в узбекской литературе имеют глубокую генетическую связь с общетюркской мифологией, фольклором и суфийской метафорикой. Изучение орнитоморфной символики в историческом повествовании XX века требует обязательного обращения к мифопоэтической традиции и притчевой организации нарратива, что и определяет актуальность и научную новизну данного исследования. Генезис классической модели исторического романа, заложенный Вальтером Скоттом, наглядно демонстрирует укорененность жанра в народных преданиях. В. М. Жирмунский подчеркивал, что детальное воссоздание

социокультурного, этнографического и природного контекста является детерминирующим фактором для исторической прозы. Он отмечал, что исторический роман «в начале XIX века ввел в литературу пристальное художественное изображение социальной обстановки, фона действия, качественно отличающихся от современной жизни» [1, с. 372]. В узбекской литературе XX века эта традиция претерпела оригинальную эволюцию. Авторы исторической прозы начали активно сочетать европейскую романную форму с традиционными восточными поэтическими приемами, среди которых обращение к орнитоморфной и зооморфной лексике занимает центральное место.

Анализ литературы

Современное изучение художественного текста в рамках лингвокультурологии, семиотики и литературоведения предполагает обращение не только к непосредственному значению языковых единиц, но и к тем культурным смыслам, которые актуализируются ими в определённом историко-литературном контексте. В этом отношении особое значение приобретает исследование образов животных и птиц, поскольку они относятся к числу древнейших элементов символического освоения человеком окружающего мира. Орнитоморфная лексика в художественном тексте может функционировать одновременно как средство номинации, образной характеристики персонажа, выражения авторской оценки и актуализации национально-культурной памяти.

Теоретические основания подобного подхода во многом связаны с семиотической концепцией Ю. М. Лотмана. В его трудах культура рассматривается как сложная знаковая система, в которой текст способен сохранять, перерабатывать и передавать культурную информацию. Особенно важным для настоящего исследования является положение о взаимодействии различных языков культуры и о способности художественного текста актуализировать исторически сложившиеся модели коллективной памяти [3, с. 462–484]. В работе «Миф – имя – культура» Лотман показывает взаимосвязь мифологического сознания, имени и культурной семантики, что позволяет рассматривать зооморфные и орнитоморфные номинации не как случайные художественные детали, а как элементы более широкой системы культурных знаков [3, с. 525–542]. Данный подход особенно продуктивен при исследовании исторической прозы, поскольку в ней языковые образы нередко становятся связующим звеном между изображаемой исторической действительностью и культурной памятью народа.

Лингвокультурологическое направление исследования образной лексики представлено в трудах В. Н. Телин. Учёный подчёркивает необходимость изучения языковых единиц в связи с национальной культурой, историческим опытом и ценностными представлениями носителей языка [4, с. 214–216]. В этом контексте зооморфные номинации представляют особый интерес: их значение не исчерпывается прямым обозначением животного или птицы, поскольку в устойчивой культурной традиции за ними закрепляются дополнительные оценочные и образно-ассоциативные значения. Поэтому такие единицы, как *птица*, *птенец*, *лань*, *змея*, в художественном тексте могут выступать носителями определённой аксиологической информации.

Важное значение для понимания семантики древних и традиционных образов имеет обращение к мифологическим источникам. Энциклопедическое издание «Мифы народов мира» позволяет проследить функционирование образов птиц, змей и других животных в различных мифологических системах и выявить устойчивость их символических функций [7, с. 15–19]. Птица в мифопоэтической традиции часто связывается с небесным пространством, свободой, посредничеством между различными уровнями мироздания, тогда как змея характеризуется амбивалентностью и может связываться одновременно с хтоническим началом, опасностью, мудростью и обновлением [7, с. 327–331]. Подобная многозначность имеет принципиальное значение для анализа художественного текста, поскольку автор способен переосмысливать традиционный символ в соответствии с конкретной сюжетной и психологической ситуацией.

Историко-культурный аспект изучения орнитоморфной лексики требует также обращения к древнетюркской языковой и культурной традиции. «Древнетюркский словарь», составленный на основе письменных памятников VII–XIII веков, представляет собой фундаментальный источник для изучения исторической семантики тюркской лексики [10, с. VII–X]. Словарь включает около двадцати тысяч древнетюркских слов и устойчивых выражений, что делает его значимым источником при установлении историко-культурной

глубины отдельных номинаций [10, с. VII–VIII]. Обращение к данному источнику позволяет рассматривать лексику, связанную с птицами и животными, в более широком контексте формирования тюркской языковой картины мира.

Особую роль в изучении восточной и тюркской культурной символики играют исследования, посвящённые историческому развитию народов Центральной Азии. Работы В. В. Бартольда позволяют реконструировать историко-культурный фон, в котором формировались многие представления, позднее трансформировавшиеся в литературных текстах [8, с. 17–24]. В данном случае исторический контекст необходим не только для реконструкции эпохи, но и для понимания культурной памяти, актуализируемой автором исторического произведения.

Существенное значение для настоящего исследования имеют труды по теории литературы. В. Е. Хализев рассматривает поэтический образ как структурный компонент литературного произведения, связанный одновременно с предметной действительностью, авторским замыслом и системой художественных средств [2, с. 160–168]. Важным для анализа исторической прозы является также положение о функционировании литературных аллюзий и реминисценций, посредством которых художественный текст вступает в диалог с предшествующими культурными и литературными традициями [2, с. 397–399]. В применении к роману А. Якубова это позволяет рассматривать образы птиц и животных в качестве элементов интертекстуального взаимодействия, а не только как средства портретной или пейзажной характеристики.

Историко-литературный аспект исследования поддерживается положениями В. М. Жирмунского о специфике исторического романа. Исследователь подчёркивал значение социального, этнографического и природного фона в реконструкции художественного мира исторического произведения [1, с. 372]. Данная позиция непосредственно соотносится с анализом анималистической лексики, поскольку изображения животных и птиц могут участвовать одновременно в создании историко-бытового колорита и в формировании символического уровня повествования.

Вопросы повествовательной организации узбекского романа получили развитие в исследованиях М. О. Шарафутдиновой. Исследовательница обращает внимание на взаимодействие традиционных восточных повествовательных моделей и современной романной структуры, подчёркивая связь узбекского романа с фольклорными, эпическими и притчевыми формами [5, с. 21–23]. Это положение имеет непосредственное отношение к роману А. Якубова, поскольку включение в реалистическое повествование традиционных образов, символов и притчевых мотивов позволяет автору соединять историческую конкретику с более глубоким культурно-философским содержанием.

Таким образом, анализ существующей научной литературы показывает, что проблема орнитоморфной лексики находится на пересечении нескольких исследовательских направлений: семиотики культуры, лингвокультурологии, мифопоэтики, исторической поэтики и теории художественного образа. При этом большинство общетеоретических исследований рассматривает символику животных и птиц преимущественно в мифологическом, фольклорном или языковом контексте. Недостаточно изученным остаётся вопрос о том, каким образом подобные традиционные коды функционируют внутри реалистической исторической прозы XX века и каким образом они преобразуются в индивидуально-авторскую систему образов.

В этом отношении роман А. Якубова «Сокровища Улугбека» представляет особый интерес. В произведении орнитоморфная и зооморфная лексика включается в систему характеристики исторических персонажей, организации психологического пространства и выражения авторской оценки. Поэтому исследование образов *птицы*, *птенец*, *лани*, *змеи* позволяет проследить переход от традиционной символики к индивидуально-авторской семантике, а также определить роль анималистического кода в репрезентации культурной памяти и национального мировосприятия.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, объединяющий положения лингвокультурологии, семиотики, литературоведения, мифопоэтики и исторической поэтики. Такой подход обусловлен необходимостью рассматривать орнитоморфную лексику не только как совокупность

номинаций птиц, но и как систему художественных знаков, посредством которых в историческом повествовании актуализируются культурная память, национальные ценности и традиционные модели мировосприятия. Теоретической базой исследования послужили семиотическая концепция культуры Ю. М. Лотмана, лингвокультурологический подход В. Н. Телия, положения В. Е. Хализова о художественном образе и интертекстуальных связях, а также концепция исторической прозы В. М. Жирмунского.

Основным методом исследования является лингвокультурологический анализ, позволяющий выявить национально-культурные значения орнитоморфных и зооморфных единиц в контексте романа А. Якубова «Сокровища Улугбека». При этом учитываются не только словарные значения соответствующих лексем, но и их контекстуальные, символические и аксиологические значения. Для определения историко-культурной семантики отдельных номинаций использованы материалы *Древнетюркского словаря* [10, с. VII–X] и сведения о мифологических функциях образов птиц и животных.

Семиотический метод применяется для определения функций орнитоморфных образов как знаков культурного кода. В соответствии с представлением о культуре как знаковой системе, анализируется способность образов птицы, птенца и других животных передавать дополнительные смыслы, связанные с духовностью, свободой, защитой, уязвимостью, опасностью и другими ценностными категориями.

Контекстуальный и интертекстуальный методы используются для установления связи художественных образов романа с фольклорно-мифологической, восточной и тюркской литературной традицией. Особое внимание уделяется трансформации традиционных символов в индивидуально-авторскую систему А. Якубова. Метод сплошной выборки позволил выделить из текста романа лексические единицы, словосочетания и компаративные конструкции, содержащие орнитоморфные и другие анималистические компоненты. Их последующая функционально-семантическая классификация дала возможность определить особенности использования данных образов в портретной характеристике персонажей, психологизации исторических лиц, выражении авторской оценки и формировании аксиологической структуры произведения.

Результаты

В ходе текстологического анализа романа А. Якубова «Сокровища Улугбека» было установлено, что анималистический код произведения носит системный характер и четко дифференцируется на три семантические группы: орнитоморфный (птичий) код, зооморфный (на примере образа лани) и хтонический (на примере образа змеи).

1. **Орнитоморфные маркеры** («куш» / птица, «птенец») служат для репрезентации образов Али Кушчи и его матери. Они кодируют ментальную чистоту, отрешенность от мирской суеты ради науки, а также материнскую сакральную защиту.

2. **Зооморфные маркеры** («лань») используются в портретной характеристике героини Хуршиды-бану для экспликации идеала женской красоты, грации и беззащитности.

3. **Хтонические маркеры** («змея») привлекаются в монологах Мирзо Улугбека для концептуализации предательства его сына Абдулатифа, приобретая глубокий притчевый и деструктивно-оценочный смысл.

Выявлено, что зооморфные аллюзии и реминисценции функционируют как скрытые маркеры национального кода. Как указывает В. Е. Хализов, аллюзия в художественном тексте способна выступать в качестве «намёка на реалии современной общественной жизни, создаваемой в произведениях об историческом прошлом» [2, с. 398]. Через историческую аллгорию автор вступает в диалог с современником. Исследователи узбекской исторической прозы констатируют ее прямую связь с фольклором, эпическими достанами и притчевыми структурами. В частности, М. О. Шарафутдинова справедливо указывает на рецепцию традиций восточной обрамленной повести в узбекском романе XX века, характеризуя данное явление как «симбиоз достанной формы и жизнеописания» [3, с. 22]. Этот симбиоз порождает особую поэтику, где образы животных и птиц традиционно берут на себя функцию медиаторов между миром сакральным и мирским.

Проведённый анализ позволяет выявить ещё один существенный аспект функционирования орнитоморфной лексики в романе А. Якубова – её способность участвовать не только в

характеристике отдельных персонажей, но и в организации отношений между ними. Орнитоморфные номинации в художественном тексте образуют своеобразную систему корреляций, в которой значение одного образа раскрывается через его соотношение с другими образами. В результате птица перестаёт быть изолированной метафорой и становится частью общей модели противопоставлений: защищённость и уязвимость, свобода и зависимость, духовность и властолюбие, чистота и нравственная деформация. Подобная организация позволяет рассматривать орнитоморфный код как один из механизмов построения аксиологической структуры романа.

Важным результатом является установление градуального характера орнитоморфной символики. Выявленные образы не обладают раз и навсегда закреплённым значением: их семантика изменяется в зависимости от субъекта восприятия, ситуации и характера авторского контекста. В частности, образ птицы может актуализировать одновременно представления о свободе и зависимости. С одной стороны, способность птицы перемещаться в пространстве ассоциируется с духовной независимостью, с другой – образ «птенца» подчёркивает зависимость молодого существа от материнской защиты. Тем самым одна и та же орнитоморфная модель способна передавать противоположные смысловые оттенки. Это подтверждает положение о том, что символический потенциал птиц в художественном тексте формируется не только на основе традиционного культурного значения, но и в результате его конкретизации автором.

Установлено также, что орнитоморфная лексика выполняет функцию психологического кодирования персонажа. Прямое описание внутреннего состояния исторической личности в ряде случаев заменяется образной характеристикой, благодаря чему психологизм приобретает опосредованный характер. Персонаж раскрывается через систему ассоциаций, связанных с определённым животным или птицей. Такой способ изображения особенно значим для исторического романа, поскольку позволяет сохранить дистанцию между документальной исторической фигурой и её художественной интерпретацией. В результате реальная историческая личность получает не только биографическую, но и символическую характеристику.

Дополнительный анализ показывает, что анималистические образы участвуют в моделировании пространственных отношений в романе. Птица как существо, связанное с вертикальным перемещением, потенциально соотносится с оппозицией «земное – небесное», тогда как зооморфные и хтонические образы тяготеют к горизонтальному или нижнему пространству. В художественной системе произведения это противопоставление приобретает этический смысл: духовное устремление оказывается связано с движением вверх, тогда как страх, зависимость, насилие и разрушение получают противоположную пространственную семантику. Благодаря этому орнитоморфная образность участвует в формировании не только предметной, но и символической топографии романа.

Ещё одной выявленной особенностью является сочетание традиционного символа с реалистической деталью. А. Якубов не переносит фольклорный или мифологический образ в роман в его первоначальном виде. Напротив, традиционная семантика подвергается реалистической конкретизации и включается в бытовой, психологический и исторический контекст. Вследствие этого мифопоэтический компонент не разрушает реалистическую основу повествования, а функционирует внутри неё как дополнительный уровень смысловой организации. Подобный механизм особенно характерен для художественной литературы, в которой мифологические образы получают новые значения в зависимости от авторской стратегии. Современные исследования узбекской литературы также показывают, что птичьи образы способны переходить от конкретной номинации к метафорическому и символическому уровню [11, с. 60–63].

Выявлена и динамика перехода от индивидуального образа к культурному обобщению. Первоначально орнитоморфная единица может выполнять локальную функцию – характеризовать внешность, эмоциональное состояние или поведение героя. Однако в пределах всего произведения повторение и смысловое варьирование подобных образов постепенно формирует более широкую систему значений. Частный образ начинает соотноситься с представлениями о судьбе, нравственном выборе, духовной свободе, семейной связи и исторической ответственности. Таким образом, культурный код возникает не только благодаря отдельной

символической единице, но и посредством её включения в систему повторяющихся мотивов.

Особого внимания заслуживает мотив материнской защиты, который получает дополнительное семантическое измерение через орнитоморфную образность. В данном случае материнское начало раскрывается не только как биологическая связь, но и как форма духовного покровительства. Образ матери оказывается функционально противопоставлен пространству политического насилия и придворной борьбы. Поэтому орнитоморфная метафорика приобретает гендерно-аксиологическую функцию: она позволяет противопоставить созидательную и охранительную энергию семейного мира разрушительным механизмам борьбы за власть.

Отдельный результат связан с переосмыслением традиционной оппозиции «птица – змея». В художественной системе романа данные образы могут рассматриваться как два различных способа репрезентации человеческого поведения. Птичья образность преимущественно связана с движением, духовным устремлением и эмоциональной открытостью, тогда как змеиная символика актуализирует скрытое движение, опасность, неожиданность и нравственную угрозу. При этом автор избегает однозначной мифологической схематизации: значение каждого образа определяется конкретной ситуацией и психологической перспективой персонажа. Благодаря этому бинарная символическая модель превращается в средство выражения сложной нравственной коллизии.

Таким образом, дополнительный анализ показывает, что орнитоморфная лексика в романе А. Якубова функционирует на нескольких взаимосвязанных уровнях: лексико-семантическом, образно-психологическом, аксиологическом, пространственно-символическом и интертекстуальном. Её художественная функция заключается не только в создании отдельных метафорических характеристик, но и в формировании внутренней системы смысловых оппозиций произведения. Именно взаимодействие традиционного культурного значения и индивидуально-авторской интерпретации превращает орнитоморфные единицы в действенный механизм репрезентации культурного кода.

Обсуждение

Рассмотрение функционально-семантического потенциала выделенных групп позволяет глубже раскрыть замысел А. Якубова. Особое место в структуре нарратива занимает образ выдающегося ученого, астронома Али Кушчи (само прозвище которого – «Кушчи» – исторически означает «сокольник», что уже несет в себе глубокий орнитоморфный след). Автор целенаправленно использует номинацию персонажа метафорическим маркером «тенец». Эта метафора реализует сразу несколько семантических пластов: внутреннее целомудрие, бескорыстную преданность науке и социальную дезадаптированность ученого перед лицом жестоких придворных интриг. В противовес образу «тенца», образ матери концептуализируется через орнитоморфное уподобление взрослой птице, «раскинувшей крылья» для защиты своего потомства. Традиционный для узбекского фольклора архетип птицы-матери (Семург или мифической птицы Хумо) трансформируется Якубовым в реалистический, но при этом глубоко трогательный образ земной матери, пытающейся закрыть своего взрослого сына от бурь жестокого века. Для создания целостной картины национального космоса А. Якубов расширяет орнитоморфную рамку при конструировании любовной линии романа и репрезентации женского идеала в образе Хуршиды-бану. Портретная характеристика героини строится на традиционном для восточной классической поэзии уподоблении лани:

«он видел её разгорячённое лицо, большие, яркие и пугливые, словно у степной лани, глаза, он видел, как прекрасна она, как целомудренна её красота...» [4, с. 71].

Использование компаративной конструкции «словно у степной лани» выполняет в тексте как эстетическую функцию (кодирует изящество физического облика), так и психологическую: эпитет «пугливые» подчеркивает трепетность ее внутренней организации и беззащитность перед лицом наступающих трагических событий. Анималистическая лексика в романе обладает выраженной амбивалентностью. Если образы птицы и лани несут в себе созидательное начало, то для денотации коварства автор привлекает хтоническую символика. Размышляя о предательстве собственного сына Абдулатифа, Мирзо Улугбек уподобляет его *змею*. Однако А. Якубов углубляет этот универсальный архетип зла притчевым философским комментарием: правитель замечает, что даже змея не нападает на человека без внешней причины, пока тот сам ее не

потревожит. Эта деталь смещает акцент на трагическую ошибку самого Улугбека как государственного деятеля и отца, максимизируя трагизм отцовского разочарования и эксплицируя крах династических ценностей.

Полученные результаты позволяют рассматривать орнитоморфную лексику в исторической прозе не как периферийный элемент художественной образности, а как один из механизмов организации культурной памяти произведения. Подобная интерпретация соотносится с семиотическим пониманием художественного текста, согласно которому отдельный образ приобретает полноценное значение только внутри определённой системы культурных отношений [3, с. 462–484]. В романе А. Якубова традиционная символика животных и птиц также не существует изолированно: её значение формируется во взаимодействии с историческим сюжетом, системой персонажей, авторской оценкой и психологическим развитием повествования.

Сопоставление полученных наблюдений с концепцией В. Н. Телии позволяет уточнить лингвокультурологический статус исследуемых единиц. Если рассматривать зооморфную лексику исключительно с позиции словарного значения, её функции в романе существенно недооцениваются. В художественном контексте такие номинации становятся носителями культурно обусловленных ассоциаций и оценок [4, с. 214–216]. Именно поэтому образ птицы или животного может восприниматься читателем не только как обозначение конкретного существа, но и как своеобразный культурный сигнал, вызывающий комплекс исторически закреплённых представлений.

Особенно показательным является соотношение авторской интерпретации с традиционной семантикой образов. В мифологических системах птица нередко связывается с небесным пространством, посредничеством, свободой и переходом между различными уровнями бытия, тогда как змея характеризуется значительно более сложной и амбивалентной символика [7, с. 15–19; 7, с. 327–331]. В романе Якубова эти традиционные значения не воспроизводятся механически. Они подвергаются художественной трансформации и подчиняются конкретной историко-психологической ситуации. Тем самым писатель использует культурную память не как готовый набор символов, а как материал для индивидуального переосмысления.

В этом отношении существенным представляется различие между культурной семантикой образа и его ситуативной семантикой. Традиционное значение является лишь исходным уровнем восприятия, тогда как окончательное содержание образа формируется в контексте конкретного эпизода. Такой механизм объясняет, почему один и тот же анималистический образ способен приобретать различные эмоциональные оттенки. В зависимости от повествовательной ситуации птица может ассоциироваться со свободой, духовным стремлением, зависимостью или необходимостью защиты. Следовательно, художественная семантика орнитоморфной лексики является динамической, а не статичной.

Данный вывод позволяет уточнить и характер взаимодействия фольклорной традиции с исторической прозой. В. М. Жирмунский связывал исторический роман с воссозданием не только событий прошлого, но и своеобразной социальной и культурной среды эпохи [1, с. 372]. В произведении А. Якубова эта задача реализуется не только посредством описания исторических реалий, костюма, быта или политических отношений. Культурная специфика эпохи передаётся также через систему образов и ассоциаций, восходящих к более древним моделям мировосприятия. Поэтому орнитоморфная лексика выполняет функцию своеобразного «внутреннего исторического комментария», который не сообщает исторический факт непосредственно, но помогает реконструировать систему ценностей изображаемого мира.

Важным является и вопрос о соотношении документальности и художественной условности. Историческая проза предполагает определённую дистанцию между реальным историческим лицом и его художественным образом. Использование анималистических метафор позволяет автору преодолеть эту дистанцию: исторический персонаж становится не только участником событий, но и носителем определённой нравственно-психологической модели. В этом проявляется связь исследуемого материала с теорией художественного образа В. Е. Хализева, согласно которой литературный образ объединяет конкретность изображаемого и обобщающий смысл [2, с. 160–168]. В романе Якубова конкретная

историческая личность через систему образных характеристик получает дополнительное ценностное измерение.

С другой стороны, обнаруженная в романе связь орнитоморфной образности с притчевой организацией повествования позволяет говорить о продолжении восточной повествовательной традиции в современной исторической прозе. Наблюдение М. О. Шарафутдиновой о взаимодействии традиционных восточных повествовательных форм с романной структурой [5, с. 21–23] получает в данном случае дополнительное подтверждение. Притчевость проявляется не обязательно в наличии самостоятельной притчи; она может сохраняться на уровне образной логики, когда конкретная ситуация приобретает обобщенное нравственно-философское значение.

Особенно значимым представляется то, что подобная образная система способствует диалогизации исторического повествования. Писатель обращается к событиям прошлого, однако используемые культурные символы позволяют читателю воспринимать их не только как завершённый исторический опыт. Через традиционные образы раскрываются универсальные проблемы власти, ответственности, предательства, духовной свободы, семейной привязанности и нравственного выбора. В этом отношении исторический роман становится пространством взаимодействия прошлого и настоящего, а культурный код обеспечивает возможность такого взаимодействия.

Интертекстуальный аспект также заслуживает отдельного внимания. Традиционные значения птиц и животных формируются в течение длительного культурного развития и связаны с мифологическими, фольклорными и литературными текстами. Поэтому их появление в романе неизбежно вызывает ассоциативный ряд, выходящий за пределы конкретного произведения. Однако интертекстуальность здесь имеет не прямой, а преимущественно имплицитный характер: автор не обязательно цитирует предшествующий текст, но актуализирует знакомую культурную модель. В этом отношении положение В. Е. Хализева о роли аллюзий и реминисценций в установлении диалога художественного произведения с культурным прошлым [2, с. 397–399] может быть применено к анализу анималистической образности Якубова.

Таким образом, сопоставление теоретических положений и текстового материала показывает, что культурный код в историческом романе формируется посредством взаимодействия

нескольких уровней – исторического, языкового, фольклорно-мифологического и индивидуально-авторского. Орнитоморфная лексика оказывается точкой пересечения этих уровней. Её значение возникает в результате наложения традиционной культурной семантики на конкретную сюжетную ситуацию и авторскую систему ценностей.

Вместе с тем выявленная специфика позволяет отказаться от упрощённого понимания символики животных в литературе как устойчивого соответствия «образ – одно значение». Материал романа демонстрирует значительно более сложную модель, при которой традиционный символ способен изменять семантический вектор под воздействием повествовательного контекста. Именно эта способность к семантической трансформации обеспечивает анималистической лексике высокую художественную продуктивность и позволяет ей участвовать в создании многослойной картины исторической действительности.

Перспективным направлением дальнейшего изучения представляется сопоставление орнитоморфной системы романа «Сокровища Улугбека» с другими произведениями узбекской исторической прозы. Подобное исследование позволило бы определить, какие значения птиц и животных сохраняют статус устойчивых элементов национального культурного кода, а какие являются результатом индивидуальной художественной стратегии конкретного писателя.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что орнитоморфная и, шире, анималистическая лексика в узбекской исторической прозе (на примере романа А. Якубова «Сокровища Улугбека») выполняет структурообразующую и смыслопорождающую функции. Она выходит далеко за рамки простых стилистических украшений или этнографического декора.

Интеграция фольклорно-мифологических и притчевых образов птиц и животных служит важнейшим медиатором между реалистическим методом повествования и глубинными пластами национального культурного кода. Через эти маркеры А. Якубов успешно осуществляет психологизацию исторических деятелей, выстраивает жесткую этическую и аксиологическую иерархию внутри художественного мира романа, а также связывает локальный исторический сюжет с универсальным мифопоэтическим наследием Востока, делая текст многомерным и интертекстуальным.

Литература

1. Жирмунский В. М. Введение в литературоведение: Курс лекций. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. – 440 с.
2. Хализев В. Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2000. – 398 с.
3. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
4. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
5. Шарафутдинова М. О. Особенности повествовательной структуры узбекского романа XX века в контексте мировой литературы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ташкент, 2010. – 46 с.
6. Якубов А. Сокровища Улугбека. – М.: Советский писатель, 1976. – 400 с.

7. Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1980–1982.
8. Бартольд В. В. Тюрки: Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. – М.: Либроком, 2014. – 192 с.
9. Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII–IX вв. – Л.: Наука, 1980. – 255 с.
10. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
11. Дробышев Ю. И. Семантика изображения птиц на древнетюркских изваяниях // Народы и религии Евразии. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 24–70.
12. Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009.